

Глава 32. Позор

Шум поднялся нешуточный, и все взоры на террасе Минфэн обратились к спорящим. При упоминании имени Ду Юньцзина брови Ду Юньсэ едва заметно дрогнули.

— Юньсэ, этот человек часом не из твоего клана? — вполголоса осведомился один из новоиспечённых учёных, с которым тот только что свёл знакомство.

Остальные тоже заметили сходство имён и с любопытством воззрились на молодого человека.

Тот ответил спокойно, не таясь:

— Ду Юньцзин родом из той же деревни и принадлежит к моему клану. Однако наши семьи издавна враждуют, потому с момента прибытия в Сянпин мы не перекинулись и словом. Мне неведомо, по какой причине он медлит с явкой.

Распространяться о причинах раздора Ду Юньсэ не стал — мудрые люди говорят, что сор из избы выносить не след. Однако он прекрасно понимал: после таких слов в толпе поползут шепотки, начнутся пересуды, и доброе имя родича изрядно померкнет.

Юноша ничего не забыл: ни издевательств, ни коварных наветов, которыми Ду Юньцзин и его родня терзали Цю Хуаняня. Несколькими фразами он отсёк себя от этого человека. Одним это прямодушие пришлось по вкусу, другие же сочли его излишне холодным — мол, какая бы вражда ни разделяла близких, на людях должно стоять друг за друга горой.

Юньсэ было глубоко безразлично чужое мнение. Он оставался непоколебим.

Фэн Минцзюнь, напротив, лишь утвердился в добром расположении к юноше. В его глазах истинный учёный прежде всего должен чтить правду и закон; тот же, кто покрывает своих, потакая родству, лишь множит несправедливость и подрывает величие престола. Ду Юньсэ не стал выгораживать недостойного родственника, но и не опустился до мелочного злословия — именно такой твёрдости сюэчжэн требовал от подданных императора.

Глядя на Ду Юньсэ, стоявшего перед ним подобно стойкой сосне под снегом, и вспоминая безобразную сцену, устроенную Ду Юньцзином у ворот Гуньюаня, Фэн Минцзюнь ещё больше утвердился в мысли, что последний — лишь гнилая коряга, не стоящая внимания.

Упрямый нрав старика был притчей во языцех. В бытность великим цензором он подал десяток докладов против князя Пинсяня за то, что его выезд не соответствовал обряду. Соратники пытались его урезонить, но Фэн Минцзюнь стоял на своём, пока Пинсянь-ван не позеленел от ярости, а император Юаньхуа не был вынужден лишить вельможу жалованья на три месяца.

Если бы не тот факт, что списки уже были обнародованы и провинившийся честно заслужил

звание сюэцзя, сюэчжэн, не задумываясь, вычеркнул бы его имя, дабы не пятнать свою службу покровительством такому ничтожеству.

Разгневанный глава образования не терпел промедления. Посыльные, не смея мешкать, вихрем вылетели с террасы, оседлали коней и помчались сперва в Гунъюань за адресом, а затем — к дому, где остановился Ду Юньцзин. Все было расположено неподалёку, и уже через четверть часа чиновники были на месте.

Хозяин дома, завидев конных чинов, перепугался и самолично выбежал встречать гостей. Те принялись расспрашивать о жильцах, и наперёд выступил малый, дежуривший во внешнем дворе.

Утирая пот, он пролепетал:

— Господин Ду вернулся в полдень после оглашения списков сам не свой. Заперся в покоях и с тех пор носа не кажет. Я-то грешным делом подумал, что провалился он на экзаменах, вот и не смел тревожить.

Кто бы мог вообразить, что человек, вернувшийся в такой ярости, на самом деле удостоился звания сюэцзя!

— До сих пор не выходил? — младший чиновник нахмурился, почуяв неладное.

Шум они подняли изрядный, а Ду Юньцзин так и не явился. Неужто и впрямь беда стряслась?

Хозяин дома, боясь навлечь на себя кару, поспешил оправдаться:

— Почтенные господа, люди эти сказывали, что прибыли на учёные испытания. Снимают жильё уже месяц, вели себя смиренно, а более мне ничего не ведомо!

Посыльный лишь отмахнулся:

— Где их комнаты? Веди.

— Они заняли флигель. В левой горнице живут родители и брат господина Ду, а в правой — сам господин Ду со своей кузиной.

— С какой ещё кузиной? — не понял чиновник.

— Да кто ж её знает... С виду девица в самом расцвете лет, уж шестнадцать-то точно минуло.

— Слыханное ли дело! — пробормотал служитель и принялся колотить в дверь Юньцина. Ответа не последовало.

Фэн Минцзюнь ждал вестей, и терпение его было не безгранично. Не став более церемониться, посыльный велел стражам выбить дверь. Хозяин дома в душе сетовал на судьбу, но не посмел и слова вымолвить против.

Гулкий треск ломающегося дерева огласил двор, и низкая дверь распахнулась настежь. В сумерках пустой комнаты, где не горело ни свечи, на кане угадывались человеческие тени.

Странно было, что люди даже не шелохнулись. Посыльный насторожился:

— Сюда, живо! Несите свечи!

Служанки прибежали с огнём, и чиновники вместе с хозяином дома вошли внутрь. Дрожащий свет нескольких свечей выхватил из темноты представшую картину.

— Ах! — одна из молоденьких служанок густо покраснела и едва не выронила светильник.

На кане, тесно переплетясь телами, почивали двое — мужчина и женщина.

Чиновники оцепенели от возмущения. Они-то шли спасать или наказывать, а застали Ду Юньцина в объятиях девицы, безмятежно спящего в неге и бесстыдстве!

— Кто это? — сурово спросил чиновник, дабы соблюсти порядок.

Хозяин кивнул слуге, и тот, подойдя ближе, подтвердил:

— Это господин Ду Юньцин и его кузина, Ли Гуэр.

— Состоят ли они в браке?

— И речи не было, — малый хитро прищурился и добавил: — Ещё недавно матушка господина Ду, госпожа Чжао, подыскивала Ли Гуэр жениха здесь, в Сянпине.

О том, что девица подсыпала что-то в чай, слуга умолчал. Он знал: перед властями лишнее слово может обернуться бедой для самого себя. К тому же он помнил, как Ду Юньцин сегодня обошёлся с ним. Коли господин не видит в слуге человека, то и помощи пускай не ждёт!

— Сюэчжэн ждёт. Я вернусь на Минфэн с докладом, а вы сторожите их здесь. Разбудите и допросите с пристрастием.

Старший посыльный вскочил в седло и помчался обратно. С момента его отъезда не прошло и часа.

На террасе Минфэн никто, конечно, не стал бы ждать последнего в списке сюцай. Байвэй ши (Испытание ста вкусов) уже началось. Прежде чем приступить к оценке блюд, в просторном зале накрыли столы для знатных гостей и чиновников. Многие, впрочем, не засиживались на месте, разбиваясь на группки для бесед.

Завидев вернувшегося посыльного, все невольно примолкли. Любопытство одолевало каждого: за всю историю испытаний ещё не бывало, чтобы новый сюцай пропал без вести.

Гнев Фэн Минцзюня поутих, и он лишь сухо спросил:

— Ну? Где наш Ду Юньцзин?

Чиновник замялся, не зная, стоит ли оглашать такое при народе. Господин Фэн нахмурился:

— Говори как есть. Что за повадки — мямлить перед лицом начальства?

— Мы прибыли к дому, где он остановился. Ду Юньцзина не было видно. Слуга сказывал, что тот вернулся в полдень в великой ярости и с тех пор не выходил. Мы стучали, но ответа не было. Опасаясь худшего, мы выломали дверь и увидели...

— Ну! Что увидели?! — сюэчжэн терял терпение.

— Увидели господина Ду... и его кузину Ли Гуэр. Они делили ложе... и ещё не пробудились.

Посыльный не стал уточнять, в каком виде их застали, но по его смущённому лицу всякий мог догадаться сам.

Фэн Минцзюнь задохнулся от возмущения, а после горько усмехнулся:

— Славно! Поистине славно! Не успел получить звание сюцай, а уже перенял худшие повадки столичных бездельников. Предаваться блуду среди бела дня!

— Зависть к родичу, гнусные речи, а теперь — намеренное пренебрежение Байвэй ши ради бесстыдства. Он решил показать мне свой норов? Вот каких «учёных» я ныне принимаю в списки!

Ярость старейшины была столь велика, что никто не решился вставить и слова. Ван Иньчжи и другие школяры вполголоса пересказывали соседям дневную встречу у ворот Гуньюаня.

Теперь всем стало ясно, почему господин Фэн с самого начала невзлюбил этого Ду Юньцзина.

В зале воцарилась тяжёлая тишина. Пока Фэн Минцзюнь раздумывал над карой, на террасу ворвался ещё один посыльный, запыхавшийся от скачки. Почувяв неладное, он мысленно проклял Юньцзина на чём свет стоит, но доклад начать был обязан.

— Господин Фэн! Мы разбудили Ду Юньцзина и его родню. Девушка Ли Гуэр в слезах твердит, будто Ду Юньцзин, опившись вина, взял её силой, и требует теперь замужества. Матушка же его, госпожа Чжао, всё отрицает и грозит утопить племянницу как блудницу. Брат же Ду Юньцзина и вовсе избил девушку в пылу ссоры.

— Там ныне содом и гоморра. Мы не знали, как поступить с новоявленным сюцаем, и прибыли за вашим решением.

Когда посыльный уезжал, госпожа Чжао ещё вцепилась в волосы племянницы, а младший брат Юньцзина охаживал ту пинками. Хозяин дома в ужасе молил властей поскорее забрать этих безумцев.

Фэн Минцзюнь глубоко вздохнул. Такого бесстыдства он не ожидал — преступить законы рода, а после ещё и позориться взаимными обвинениями.

— Что говорит сам Ду Юньцзин?

— Он словно лишился рассудка. Прослышав, что мы от вас, то смеётся, то плачет, и несёт какую-то околесицу.

Посыльный не решился повторять безумные речи, порочащие сюэчжэна, нового юаньаньшоу и даже императорский двор, а господин Фэн и не спрашивал.

— Сие дело должно было бы передать в суд, но Ду Юньцзин носит звание сюцая, что даёт ему послабление. Посему я сам вынесу решение, — голос Фэн Минцзюня был холоден как лёд.

Как глава образования провинции Ляочжоу, он имел полное право распоряжаться судьбой нерадивых учеников. Префект не стал бы спорить с ним ради такого ничтожества.

— Поступки Ду Юньцзина мерзки, и он недостоин звания учёного. Я, исполняя волю государя, не могу позволить ему и далее позорить наше сословие. Посему запрещаю сему человеку участвовать в трёх последующих провинциальных экзаменах Сянши. Пускай сперва познает мудрость святых на деле, а уж после помышляет о чинах.

Три срока Сянши — это десять долгих лет. Слова главы образования об «изрядной низости» фактически ставили крест на будущем Ду Юньцзина. Если днём у ворот Фэн Минцзюнь ещё щадил его молодость, то теперь его милосердие иссякло до капли.

— В сегодняшнем позоре виновен Ду Юньцзин. Ли Гуэр — девица из доброй семьи и его родственница, она не должна нести сие бремя в одиночку. Я сам выступлю сватом и устрою их брак. Пускай одна радость сменит другую.

— Передай мой приказ: пусть он возвращается в родные края, укрощает свой нрав и заботится о супруге. И пусть приструнит брата и родителей — негоже в доме учёного мужа плодить такую грязь!

Слова были сказаны прилюдно — теперь никто не смел просить о помиловании.

Когда посыльный ушёл, гнев сюэчжэна немного улёгся.

— Прошу простить старика. Оплочал я, впустив рыбий глаз в ожерелье из жемчуга. Испортил вам всем вечер.

Гости дружно принялись заверять его, что всё в порядке, и втайне облегчённо вздохнули. Префект Сы Цзин с улыбкой произнёс:

— Что вы, господин Фэн! Вы лишь преподали урок молодым сюэцям и явили нам пример неподкупности и верности долгу. Какой уж тут сорванный праздник?

Сы Цзин был мастером обхождения, скрывая все мысли за учтивой улыбкой — полная противоположность суровому Фэн Минцзюню.

Буря миновала. Управляющий доложил, что двадцать одно блюдо готово к подаче, и префект велел накрывать столы.

— Закуски были добры, но не забывайте о главном деле. Услышать имена подле Гуньюаня, а после вкусить яства на террасе Минфэн и воспеть их в стихах — я долго ждал этого изящного действия!

Слуги проворно убрали лишнее и выставили в центре зала резной стол из красного дерева, длиной в пять чжанов. На нём в идеальном порядке расставили яства — одно краше другого. Подле каждого блюда дежурил слуга с палочками и блюдами, готовый услужить гостям.

Яства подавали в многослойных коробах, дабы всем пятидесяти гостям досталось по кусочку. Стоило опустеть одному слою, как тут же появлялся другой. Впрочем, здесь не принято было набивать утробу — истинный ценитель вкушает понемногу, дабы не потерять интереса.

Внимание всех присутствующих, не исключая и высших чинов, было приковано к Ду Юньсэ. В столь юные годы превзойти всех и стать первым — такое сулило блестящий взлёт. Те, кто поумнее, уже разузнали, что Юньсэ — тот самый вундеркинд, которого девять лет назад забрал в ученики великий Вэнь Хойян. А занять первые места на всех трёх экзаменах — это и вовсе

неслыханная удача, истинный «сяо сань юань». В Сянпине такого ещё не видывали!

И хотя некоторые осторожничали, помня об опале наставника Вэня, большинство стремилось завязать дружбу с этим баловнем судьбы. Когда Ду Юньсэ пробовал блюда, десятки глаз следили за каждым его движением.

Юноша, однако, оставался невозмутим. отведав яства, он сдержанно похвалил несколько новинок и, отложив палочки, почтительно поклонился префекту.

— Я вкусил от щедрот вашего стола, господин префект, однако прошу дозволения не участвовать в дальнейшем суде.

Сы Цзин с любопытством приподнял бровь:

— Отчего же?

Когда взоры всех обратились к нему, Ду Юньсэ произнёс:

— Блюдо «Цайфэн во сяюнь» (Цветной феникс, возлежащий на заревых облаках), коим многие здесь восхищались, и в моём сердце нашло живой отклик. Однако в нём использован красный ферментированный тофу «Цю цзи», созданный моим супругом. Следуя закону чести и дабы избежать пристрастности, я не смею подавать свой голос.

В зале на мгновение повисла тишина. Сы Цзин погладил бороду и негромко рассмеялся:

— Справедливо. Твои слова полны смысла.

Префект, съевший не одну собаку в дворцовых делах, сразу раскусил манёвр юноши. Отказавшись от голосования, Юньсэ сделал куда более сильный ход — он прямо заявил всем, что считает это блюдо лучшим. Теперь каждый, кто хотел снискать его расположение, непременно отдаст свой голос за «Феникса». А те, кто прежде не заметил блюда, теперь непременно отведают его. К тому же весть о чудесном красном тофу от супруга юаньяншоу вмиг разлетится по префектуре.

Сы Цзин прежде опасался, что Ду Юньсэ слишком суров и прямолинеен для службы, но теперь он видел: юноша искусен в делах не меньше своего великого учителя.

Когда Ду Юньсэ отошёл, многие поспешили отведать «Цайфэн во сяюнь». Старые гурманы нахваливали сложность приготовления и необычный, глубокий вкус особого красного ферментированного тофу. Те же, кто не смыслил в тонкостях, просто восхищались красотой подачи и тонким замыслом.

Пришло время голосования. Чины имели по три голоса, сюцаи — по два (и ещё один за стихи), прочие гости — по одному. Ду Юньсэ не голосовал, но блюдо Хуан Данянь благодаря его словам по праву заняло первое место.

Когда весть долетела до кухни, сёстры Хуан Данянь и Хуан Энняя едва не пустились в пляс от радости. Старшая верила в своё искусство, но и помыслить не могла о первенстве среди таких мастеров. Опередить лучших поваров Сянпина — тут одной сноровки мало, нужна ещё и удача.

Управляющий, старый знакомый Хуан Данянь, шепнул ей:

— Повезло тебе, добрая душа. Твоё блюдо не только вкусом взяло, но и словом юаньяньшоу Ду.

— Где же ты раздобыла этот красный ферментированный тофу? Я сам его не пробовал, но знатные господа только о нём и толкуют. Кое-кто уже и рецепт выведать хочет!

Хуан Данянь поняла, откуда пришла её удача, и возблагодарила небо за то, что с самого начала поладила с семьёй Цю Хуаняня. Поистине, добро возвращается сторицей! Кто бы мог подумать, что простой юноша из глуши станет первым учёным префектуры и парой слов решит исход состязания.

У Вэй Дэсина, владельца лавки пряностей, кабы он прознал об этом, сердце бы кровью облилось от досады.

— Тофу сей я купила у супруга господина Ду, а за рецептом — это к ним поклон бить, — Данянь вдруг затревожилась. — Ой, господин управляющий, ведь на Минфэн люди знатные... Коли они рецепт потребуют, не выйдет ли чего худого?

Тот лишь рассмеялся:

— За кого ты господина Ду принимаешь? Будь то простые крестьяне — мигом бы притеснили. Но здесь-то речь о юаньяньшоу, чьё будущее сияет ярче солнца! Кто ж посмеет обидеть его супруга?

Данянь облегчённо выдохнула:

— Моя правда. Ополоумела я от радости, позабыла всё на свете.

Управляющий похлопал её по плечу:

— Ступай, господа ещё беседуют. Я лишь наперёд выбежал тебя порадовать. Готовься — скоро позовут награду принимать.

На террасе объявили победителей. Шесть блюд удостоились чести, и четыре из них принадлежали лучшим поварням Сянпина. Лишь двое мастеров были из малых мест. Но с завтрашнего дня богатые дома начнут наперебой зазывать их к себе — особенно Хуан Данян, за которой уже всю приглядывали купцы, владевшие трактирами.

Славу и монету делить — дело доброе!

Префект зачитал лучшие стихи новых сюцаев. Первым стал Юй Минь, и, по иронии судьбы, воспел он именно «Цайфэн во сяюнь», неразрывно связанный с Ду Юньсэ. Те, кто знал о его нраве, посматривали на него с усмешкой, но Юй Минь лишь гордо вздернул подбородок.

Ду Юньсэ он по-прежнему не признавал и верил, что превзойдёт его, но одно другому не мешало. Поэзия на пиру — дело изящное, и если уж писать — так о лучшем, иначе к чему марать бумагу? Коли бегать от хорошего блюда лишь потому, что оно от Ду Юньсэ — значит, признать свой страх перед ним. А Юй Минь не боялся.

Он ждал ответа, и Ду Юньсэ сдержанно похвалил его строки, не выказав и тени обиды. Это даже немного задело Юй Миня — так спокойно тот принял его порыв.

Глава академии Минь Тайкан, видя это, лишь покачал головой. Юй Минь повзрослел, но в нём ещё слишком много юношеского огня. Если бы подле него всегда был такой рассудительный сверстник, как Ду Юньсэ, тот рос бы куда быстрее. Минь Тайкан ещё пуще прежнего захотел заполучить Юньсэ в академию Цинфэн, но решил повременить — ворота академии откроются лишь весной, время ещё есть.

Когда шестеро мастеров получили награды, празднество, начавшееся столь нескладно, наконец подошло к концу.

Богачи и чиновники обступили Ду Юньсэ, желая купить рецепт того самого красного ферментированного тофу, но тот, какую бы цену ни предлагали, вежливо отказывал каждому.

— Красный ферментированный тофу — редкость для Ляочжоу, он родом из столицы. Рецепт же, коим пользуется мой супруг, — плод его долгих трудов. Вкус его уникален даже для столичных краёв.

— Супруг мой ныне немощен телом и требует покоя. Я не смею решать за него такие дела, посему прошу вас подождать, пока он не окрепнет.

Гости переглядывались в недоумении. Люди они были не бедные, в столице бывали и редкие яства ели. Знали, что вкус у этого продукта знатный, потому и хотели купить рецепт. А Ду Юньсэ — то отказывает, то расхваливает, то на усталость кивает. Пойди пойми его — продаст он в итоге или нет?

Будь перед ними простые люди, они бы и думать не стали — велели бы слугам привести умельца, припугнули бы да кинули пару монет. Но Ду Юньсэ — будущий великий муж, обласканный префектом и сюэчжэном. Пойти против него — значит нажить беду, посему оставалось только ждать.

Ду Юньсэ, вежливо отстранив просителей, подошёл к Сы Цзину. Ещё днём, когда Хуанянь лишился чувств, он и помышлять не мог о празднестве, желая лишь одного — быть рядом. И пришёл он сюда лишь потому, что супруг велел ему «продвигать» их товар. Слово Хуаняня для него — закон, а значит, дело должно быть сделано в лучшем виде.

Сы Цзин радушно улыбнулся юноше:

— Господин Ду, есть ли у тебя ко мне просьба?

Ду Юньсэ почтительно склонил голову:

— Многие желали купить рецепт нашего красного ферментированного тофу, но супруг мой болен, и ныне не время для таких сделок.

— Однако в знак почтения к гостям я желаю поднести им несколько горшков этого тофу, что взял с собой в дорогу. Их всего девять. Празднество сие устроено вами, господин префект, посему я не смею сам распоряжаться подарками. Прошу вас принять их и распределить по своему усмотрению.

<http://bllate.org/book/15363/1412212>